

Сергей В. САВИНКОВ
(Воронеж)

Две жены в творчестве Ф. Соголуба: между Евой и Лилит

Two Wives in F. Sologub's Work: between Eva and Lilith

Lilith went into the early 20th-century literature as a bearer of a principle opposite to Eva's. Lilith opposes Eva in the same way as dream opposes reality. Lilith's attraction in the literature of "fin de siècle" is the other side of repudiating Eva associated with the ordinary and conventional life, with "what is always with us". With F. Sologub these contractions acquire a particular significance while interrelations between Lilith, Eva, and Adam form original configuration.

The main characters of Sologub works turn out to be not even Lilith or Eva but what can be called personified as energy values. Like a designing demiurg-engineer Sologub sorts out all possible configurations of their roles over and over again trying to combine these polarly contraposed energy would concentrate in the Man – New Adam – unwasted and undispersed.

However, these titanic efforts were not destined to be crowned with success. Instead of the expected fullness Sologub's man who has wasted his life energy on both sides finally sinks down into tiredness and exhaustion which make him – in Sologub's way – the expression of an epoch paradoxical combination of a tendency towards the communist synthesis of contradictory principles on the one hand and the decadent doom on the other.

Главная идея статьи Н. Врангеля «Любовная мечта современных русских художников. Мадонны» (ей открывался третий номер журнала Аполлон

за 1909 год), состоит в том, что и в литературе, и в изобразительном искусстве начала XX века грезы о женщине Рая воплощаются отнюдь не в образе дeвы Марии – «убранной ризами мечте с лицом земной женщины» – Евы, а в образе другой, той, которая, по одному преданию, была первой женой Адама, по другому – безобразным «демоном ночи»¹. Этот исконный «некрасивый» имидж Лилит сменила в романтическую эпоху на другой – прекрасной коварной соблазнительницы, сохранив, однако, свою внутреннюю сущность неизменной. Так что в той или иной степени печатью Лилит могут быть отмечены все относящиеся к разряду *роковых* литературные женщины: и *прекрасная как ангел и коварная как демон* царица Тамара, и, скажем, булгаковская Маргарита. Однако как та, кто обладает своим именем и своей судьбой, Лилит означала своим присутствием именно рубеж XIX–XX веков. Следы ее присутствия можно найти и у Цветаевой, и у Гумилева, и у Северянина, и у Ахматовой. Однако совершенно особое место она занимает в творчестве того, кого современницы-поклонницы окрестили «колумбом Лунности, духом своим создавшим мечту – Лилит»,² – в творчестве Ф. Сологуба. Можно сказать, что для Сологуба Лилит – тот зодиакальный знак, влиянию которого подвержены все его главные мотивы и темы – красоты обнаженного тела, «безмерной и невозможной» любви и «милой смерти».

Званию демонической соблазнительницы и губительницы в полной мере отвечает у Сологуба героиня рассказа «Красногубая гостя», по первому, временному, имени – Лидия Роштейн, по второму, вечному, – Лилит. В Лидии живет Лилит, и она так же, как ее прапраматерь, испытывает ненависть ко всему земному и дневному, ко всему тому, над чем властвует *грубое солнце*. Как и луна, подпитываемая солнечным светом для возобновления и продолжения жизни, Лилит нуждается в чужой энергии. Вот поэтому *лунная, холодная, как неживая*, она и является в дом неженатого мужчины в экзотическом облике «бледнолицей, прекрасной молодой девушки, с жут-

¹ Врангель, Н. Н.: Любовная мечта современных русских художников. Мадонны. Аполлон, 1909, № 3, с. 32–45.

² «Это Вы заманили на землю Лунную фею, Она соскользнула к Вам по лунному лучу и, возлюбив Вас, – стала, в веянии ночи, спускаться на землю; сжалилась над людьми и серебряной парчой покрыла их алые раны... Колумб Лунности! Вы – первый и единственный – открыли Ее. Видали и другие небо: видели, – но не видели. И кроме Девы и Туманностей, ничего не уловили их сердца. Ибо из их сердца не излучался свет, которому предречено, как шпага со шпагой, скреститься с лунным лучом, в сверкающем вечном лобзании...». (Мисникевич, Т. В.: Федор Сологуб, его поклонницы и корреспондентки. In: Эротизм без берегов. Сборник статей и материалов. Москва 2004, с. 384.)

Две жены в творчестве Ф. Сологуба

ко-громадными глазами и чрезмерно яркими губами»³ и предлагает влекущую к холодному успокоению в неземных мечтаниях «чрезмерную и невозможную» свою любовь. В награду же за «безмерность и невозможность своих утешений» Лилит просит необходимой для ее холодеющих вен жаркой человеческой крови. В итоге «зачарованный и словно всю свою утративший волю» лунный пленник с добровольной одержимостью отдает свои жизненные силы «бледнолицой, зеленоокой, с чрезмерно яркими, как у Вампира устами» неземной экзотичной гостье: «Вялая ленность разливалась в его теле, прежде таком бодром и радостном... Лицо его бледнело, точно яркие губы Лидии Роштейн выпивали всю его жизнь» (3, 637). И только лишь рождественское чудо (рассказ Сологуба вписывается в святочную жанровую традицию) избавляет его от лунного наваждения и возвращает к жизни.

Однако у Сологуба есть и такая Лилит, которая не имеет ничего общего ни с легендарно-мифологическим, ни с литературным канонам. Эта - *другая* - Лилит напоминает, скорее, Селену, страдательницу и утешительницу, – Селену-мечту: «И вся она была легка, Как тихий сон, – как сон безгрешна, И речь ее была сладка, Как нежный смех, – как смех утешна» (7, 140). Вопреки традиции, ее страдательное положение как раз и обуславливается предопределенной ей миссией стать **первой** женой Адама. Главными ее качествами оказываются не гордыня и своеволие мифологической Лилит, которая со смехом покидает Адама, не желая оставаться при нем на вторых ролях, а – смирение и покорность. Эта *другая* Лилит и приходит к Адаму как будто только для того, чтобы уйти и освободить место его второй и законной жене – Еве. Ее первенство проходит под знаком непрочности и недолговечности: «Когда померк лазурный день, Когда заря к морям склонилась, Моя Лилит прошла как тень, Прошла, ушла, – навеки скрылась» (7, 140). В этом стихотворении Сологуба идиллия первоначальных отношений Адама и Лилит заканчивается неожиданно-коварным и грубым вторжением в нее Евы: «И не желать бы мне иной! (речь идет о Лилит.– С. С.) Но я под сенью злого древа Заснул... проснулся, – предо мной Стояла и смеялась Ева...» (7, 141).

Однако и появление, и скоротечное исчезновение первой жены не проходит для Адама бесследно. Неизбывная и незабвенная память о первой жене поселяет в первом человеке тягу к несбыточному, иному, ускользающему, эфемерному, – ко всему тому, что имеет очертания лунной мечты. Он так и оказывается вынужденным жить со второй женой, но мечтать о первой, далекой, запредельной, недосыгаемой. И в этом случае происходит иное: не вампирическая Лилит приходит к человеку за тем, чтобы под-

³ Сологуб, Ф.: Собрание сочинений в восьми томах, т.3. Москва 2004, с. 636. В дальнейшем ссылки на сочинения Ф. Сологуба будут даваться в тексте статьи по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.

питывать себя его жизненными соками, а он сам, оставаясь верным своей *первой любви*, растрчивает свою жизненную энергию на служение чудной лунной деве. Вот несколько примеров из «лунной» поэзии Ф. Сологуба: «Я томился в чарах лунных, / Были ясны лики дивных дев <...> К вещей тайне несказанной / Звал печальный и холодный свет» (7, 200); «В стране безвыходной бессмысленных томлений... Я находил безумные слова... и мертвая луна / Прохладный яд несбыточных желаний Вливала в них, ясна и холодна»; «Люби меня, люби, холодная луна! ... Отверженец земли, тоскующий и кроткий, О, сколько раз во тьме я за тобой следил» (7, 367); «Я не хочу ее объятий, Я ненавижу прелесть жен, Я властью неземных заклятий Заворожен»; «Когда надменною мечтою Я в небо дальше летел И безмятежно луною, Безумец, овладеть хотел!» (7, 151).

Как лунные, так и земные девы в текстах Сологуба способны расщепляться и образовывать персонажные пары уже внутри одного образа-типа. Лилит как первая жена может объявиться и в вампирическом облике, но может предстать и в облике «нежно-сладчайшем». Подобным образом у Сологуба нередко раздваиваются и вторые жены. Среди них есть и такие, которые очень напоминают лермонтовских холодных красавиц (особенно в «Зверином быте», где лермонтовские аллюзии лежат на поверхности), но есть и такие, которые очень похожи на лермонтовской мечты создание – «с глазами, полными лазурного огня, с улыбкой розовой...»⁴. При таком раскладе черты первой и второй жен легко контаминируются: первая может предстать в облике второй, а вторая – первой.

Высшие достижения такой комбинаторики демонстрируются теми сологубовскими героинями, которые оказываются готовыми гармонично в себе сочетать приземленную Альдонсу с возвышенной Дульцинеей⁵: в них одновременно обнаруживаются и легкие девы высот, и обладающие телесной красотой и пластикой девы земли.⁶ Как девы высот они заслоняют убогий мир действительности «пышным нарядом царственной мечты», как девы земли они смехом, песнею, пляскою рагоняют злые чары жизни и, для того чтобы сохранить волю к жизни, питают ее жаждой счастья (см. 3, 711). И даже тогда, когда они, согласно участи первых, отходят от жизни, то и оттуда, из запредельного далека, посылают человеку силы великие на труд, на достижения (см. 3, 713–714).

⁴ Лермонтов, М. Ю.: Сочинения в шести томах, т.2. Москва, Ленинград 1957, с. 136.

⁵ Альдонса и Дульцинея – женские образы, к которым Сологуб активно использует в своих публицистических и литературно-критических статьях. Они олицетворяют антагонистические начала, нуждающиеся в примирении.

⁶ Черты такой двуипостасности угадываются и в Иринushке («Помнишь, не забудешь»), и в Шурочке («Звериный быт»), и в Елисавете («Творимая легенда»).

Две жены в творчестве Ф. Сологуба

У Лермонтова есть стихотворение не о первой жене, как у Сологуба, а об отмеченной печатями странности и экзотичности первой любви. Обращена эта любовь не к поражающей детское воображение небывалой красавице, а к «чудной» деве с хладным как лед ликом: «Я видел женский лик, он хладен был как лед, И очи – этот взор в груди моей живет...». Первая любовь оказывается и последней: «И деву чудную любил я, как любить Не мог еще с тех пор, не стану, может быть...»⁷. И действительно, дева с чудным, мертвым ликом так и будет преследовать лермонтовского человека и делать так, что все его надежды и мечты будут связаны только с нею, всегда для него желанной и всегда недостижимой.⁸ И тогда, когда на горизонте его жизни будет появляться красавица, обольщающая и привлекающая своей живой, действительной красотой, лермонтовский герой так и не сможет поддаться ее земному обаянию, потому что всякий раз в ее чертах будет искать черты другие, «в устах живых уста давно немые, в глазах огонь угаснувших очей»⁹.

Уподобляясь лермонтовскому, и сологубовский герой будет искать в чертах второй своей жены черты другие, черты, которые он никогда не сможет забыть.

Первые жены в сологубовских произведениях (таких, к примеру, как «Помнишь, не забудешь» или «Звериный быт»), жены-страдалицы, как им и положено, – недолговечны. Короткое время своей жизни они проживают, ничем не докучая, никогда не укоряя и ничего для себя не желая. Но при таком отречении от жизни (сначала – повседневном, а со смертью – абсолютном), они, как не устают повторять Сологуб, обладают такой над ней (жизнью) дивной властью, преодолеть которую не может никакая земная сила. Власть эта дивная потому, что она, как и у Лермонтова, – власть вечная, а вечная – потому, что обладают ей «отшедшие от жизни», а значит, – «оставшиеся навеки живыми, неизменно властительными» (6, 112).

Вечная, неизменная, не знающая ни умалений, ни возрастаний, любовь сологубовских первых жен оказывается сильнее смерти так же, как их вознесенная над жизнью красота. И это опять близко к Лермонтову, у которого красота мертвая имеет большие, чем живая, права на то, чтобы считаться красотой подлинной. Красота мертвая — красота **неизменная**, и потому – идеальная. Будучи таковой, она никогда не оледенит очарования и не разрушит сладкого мечтания.

⁷ Лермонтов, М. Ю.: Сочинения в шести томах, т. 1. Москва, Ленинград 1956, с. 287.

⁸ См. об этом подробнее: Савинков, С. В.: Творческая логика Лермонтова. Воронеж 2004.

⁹ Указ. соч., т. 2, с. 214.

Однако, в отличие от Лермонтова, Сологуб отзывается и на притяжение другой неотразимо-прельщающей красоты – красоты, которой обладает вторая жена, земная и живая. В лице первой жены он находит то, что притягивает его к себе лунной, мечтательной красотой, а в лице второй – «что-то странно соблазнительное, нечистое, злое, тайное, но одновременно и – радостное. Каким-то вечным соблазном дышало страстное лицо, чувственные улыбались губы, призывные глаза, казалось, звали к чему-то радостному, тайному». (6, 113). И обуславливается эта разнонаправленность притяжений двуипостасностью природы человека. Благодаря первой жене, он тянется к небесному, благодаря второй – к земному. При этом небесное, лунное, оказывается далеким и родным, а земное, солнечное – близким и чужим. «Всегда человеку, – говорится в «Творимой легенде», – даются две жены, и даются ему вечно две истины... Первая жена – лунная мечта Лилит, обвеянная тишиною, тайною, подобной тишине и тайне могилы. Это вечная Сестра, родная и далекая, таинственная Подруга, неведомая Спутница, всегда зовущая его в далекий путь. Вторая ему жена – солнечная, голубая, золотая Ева, Елисавета. Это вечная Любовница, чужая, но близкая, Госпожа его дома» (4, 506–507).

Поэтому сологубовскому человеку так и приходится колебаться между двумя влияниями, – «жены, отошедшей, тихой, зовущей к успокоению, – и жены чаемой, зовущей к жизни шумной, торопливой и широкой» (6, 94). Колебаться то в одну, то в другую стороны, и не иметь возможности сделать так, чтобы родное стало одновременно и близким, а чужое – далеким.

Для эпохи, озабоченной проблемой преобразования мира на основе инженерно-комбинаторной деятельности, устремленной к сотворению даже не новой реальности, а такой сверхреальности, где все разнозаряженные и разнонаправленные токи соединились бы и образовали новое гармоническое соединение, **энергия** – слово ключевое. «Мы видим два течения, равно могучие, – говорит герой «Творимой легенды» Триродов о христианстве и буддизме. – Странно думать, что одно из них победит. Это невозможно. Нельзя уничтожить всей человеческой энергии... Будет синтез» (4, 206).

В творимой Сологубом легенде главными действующими лицами оказываются даже не Лилит или Ева, а, можно сказать, персонифицированно выраженные энергийные величины. Подобно демиургического склада инженеру-конструктору, Сологуб снова и снова перебирает все возможные их ролевые конфигурации с целью решить главную для него задачу: как скомбинировать эти полярные по отношению друг к другу энергийные величины таким образом, чтобы в результате энергия оказалась сосредоточенной в человеке нерастраченной и нераспыленной. И чтобы он, как и его герой Триродов (сочетающий в одном лице химика, физика, математика и

Две жены в творчестве Ф. Соголуба

поэта, и потому обладающий демиургической мощью), мог сказать: «Я эмигрирую на Луну. Луна эта создана мною. Она стоит под моими окнами и готова принять меня» (4, 69).

Одна из самых остроумно-головоломных комбинаций подобного рода представлена в драме «Заложники жизни». Главными ее фигурантами вновь оказываются герой и его две жены: первая и вторая. Однако позиционные отношения между ними складываются, с точки зрения сологубовской «нормы», – неправильным образом. Та из двух жен, которая по всем признакам соответствует Еве, первой для героя не становится – первой становится Лилит. Вопреки правилам, Катя (она же Ева) становится первой для другого, а первенство первой – Лилит – оказывается не действительным, а формальным, потому что от самого начала и до самого конца она позиционируется в пьесе как жена нелюбимая и отвергнутая.

Объясняется же такая странная комбинаторика вот чем. Катя-Ева становится первой женой другого, нелюбимого, как выяснится, для того, чтобы не истощить силы героя (Михаила) «жгучим пламенем чувственности» и «не омрачить... любви неизбежностью... прозаических вздоров» (5, 273). Становясь первой женой другого, Катя принимает на себя все диктуемые жизнью обязательства: она исполняет супружеские обязанности, она рождает детей, она осуществляет функции матери, но только лишь для того, чтобы, пройдя через слабость и через падение, вернуться к Михаилу, в ее отсутствие и сохранившему, и укрепившему свои силы. «Сегодня мы еще в плену, – говорит она своему возлюбленному, – а завтра, завтра мы победим, мы будем сильны, мы будем господами жизни. И тогда легко, легко я стряхну эти глупые цепи и приду к тебе, мой милый, прекрасный мой Михаил» (5, 274).

Роль же Лилит другая. Будучи лунной мечтой и лесной сказкой, а значит, изначально независимой от жизненных пут и цепей, она оказывается призванной к тому, чтобы (замещая Еву на время ее отсутствия в качестве первой, временной жены) способствовать и со своей стороны сохранению и «лунно-сонатному» облагораживанию жизненных сил Михаила. Так что в этой сологубовской пьесе первая жена и вторая жена хотя отчасти и противницы, но в большей степени союзницы: они обе споспешествуют тому, чтобы мечта Михаила **осуществилась**, и он смог бы, синтезировав разнополярные и разнонаправленные энергичные силы и овладев целою истиной, создать новую жизнь.

Правда, финал пьесы оптимизм несколько поубавляет. Михаил и Катя соединяются, а Лилит уходит, уступая место своей сопернице-союзнице, но уходит царственно величаво и устало, как та, которая смотрит на все происходящее с позиции вечности. Благодаря Лилит силы Михаила сохранились и не растратились, но при этом счастье его обвечно грустью, а «господство куплено ценой утомления и печали» (5, 301). Все возвращается

на круги своя. И грустная, большеглазая Лилит, по предписанному всему закону, уходит, освобождая место для жизни, но для того, чтобы навсегда остаться для героя *далекой и родной*.

«Двоеженная» сюжетная конфигурация обыгрывалась в литературе, конечно, и раньше. Скажем, для романтического героя иметь две жены, как и две несоприкасающиеся сферы бытия (земную и небесную), – дело привычное. Однако в литературе рубежа веков, как мы могли убедиться, актуализируется сюжет, для которого важно не само наличие двух жен, профанной и сакральной, а другое – важна ситуация, когда герой оказывается «между» двумя женами. И оказывается он *между* не потому, что у него, как у лермонтовского паруса, нет пристанища ни в *краю далеком*, ни в *стране родной*, а потому, что *далекая* и *близкая*, *родная* и *чужая* с разных сторон и с равнозначной силой влекут его в разные стороны, в то время как ему хотелось бы обладать и тем, и другим, хотелось бы сделать так, чтобы *далекая* стала *близкой*, а *чужая* – *родной*. Вместо же чаемой полноты он, на обе стороны растрачивающий жизненную энергию, погружается в утомление и опустошенность.